

Минко Татьяна Викторовна

учитель

ГАОУ ЧАО «Чукотский окружной профильный лицей»

г. Анадырь, Чукотский автономный округ

DOI 10.21661/r-564620

**ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ
ОТДЕЛЬНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.С. ПУШКИНА)**

***Аннотация:** статья посвящена вопросу отдельных грамматических явлений на примере произведений А.С. Пушкина. Автором отмечено, что преобразование языковой структуры литературного текста в творчестве Пушкина привело к преобразованию стилевой системы русского литературного языка.*

***Ключевые слова:** грамматика, лексика, фонетика, орфоэпия, русская литература, русский литературный язык, Пушкин.*

Не исчерпаешь Пушкина до дна.

Все в нем – свежо, все – искренно и ново.

Непостижима эта глубина.

Простого будто бы, прямого слова!

Давид Кугультинов

I. Введение.

Великому русскому поэту А.С. Пушкину принадлежит выдающаяся роль в истории развития русского литературного языка. Огромное значение Пушкина в этом процессе было очевидно еще при жизни поэта наиболее чутким и дальновидным его современникам, например, Белинскому и Гоголю. Последний писал: «*При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, далее всех раздвинул ему границы и более показал все его пространство*».

В произведениях Пушкина мы часто сталкиваемся с такими явлениями, которым не можем дать объяснение с точки зрения сегодняшнего состояния языка.

Поэтому изучение языка Пушкина очень важно для правильного понимания текстов его произведений, а также для понимания структуры современного русского языка.

II. Основная часть.

О некоторых особенностях языка Пушкина.

1. Фонетика. Орфоэпия.

Основные изменения пушкинского языка касались лексики. Но были также частные случаи и в фонетике.

Например, существенной особенностью поэтического языка XVIII – начала XIX вв. было произношение слов с [е], а не с [о], то есть на церковнославянский образец:

*В юдоли, где расцвел,
Мой горестный удел?.. («Городок»)*

Такое произношение поэты больше использовали для рифмы. Вот еще некоторые примеры из «Городка»: *веселый – престарелый, полдневны – темны, льет – совет*. Но в поэзии Пушкина такие рифмы постепенно идут на убыль, заменяясь рифмами, соответствующими «живому», разговорному произношению.

Также в соответствии с народным произношением и речью героев Пушкин часто вместо *помощь* писал *помочь*, например: *"...помочь нужна моим усердным воеводам"* («Борис Годунов»); *«Каким образом окажете вы мне помочь!»* («Дубровский», гл.15).

Читая произведения Пушкина, можно нередко заметить особенности в ударении, например, в «Деревне»: *«Из хижины родной идут собой умножить Дворовые толпы измученных рабов.»* Такое ударение в окончании существительных женского рода множественного числа является совершенно обычным в стихотворном языке пушкинской эпохи и более ранних периодов:

*Онегин был готов со мною
Увидеть чуждые страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгий срок разведены.
(«Евгений Онегин»)*

Также известны многочисленные случаи ударения в этой категории слов, преимущественно в косвенных падежах:

*Опять пошла с сестрами
Сидеть за воротами.
(«Жених»)*

У современника Пушкина, Грибоедова:

*Вам, людям молодым, другого нету дела.
Как замечать девичьи красоты.
(«Горе от ума»).*

2. Морфология

В ходе развития русского языка происходили не только фонетические изменения, но и различные трансформации в грамматических категориях.

Такое устаревшее, характерное для литературного языка пушкинского времени, окончание, как *-ья*, *-ия* в родительном падеже единственного числа прилагательных женского рода, уже не встретишь в современном русском языке:

*Под сенью потаенной
Дубравной тишины
Где ток уединенный
Сребрыстыя волны...
(«К Делии»).*

*И тайна брачныя постели
И сладостной любви венок
Его восторгов ожидали.
(«Евгений Онегин»).*

*И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
(«Пророк»).*

Слово «десницею» здесь тоже имеет устаревшее окончание *-ею* в творительном падеже существительных женского рода единственного числа.

Еще одной особенностью склонения существительных является такое правило: слова на *-мя* в литературном языке конца XVIII-нач. XIX вв. склонялись, как в живом

просторечье, без изменения основы, по образцу именительного падежа. Это относилось даже к таким книжным словам, как *бремя*. Вот несколько примеров:

Когда от бремя дел случится

И мне свободный час иметь...

(Г. Державин. «Благодарность Фелице»).

Из пламя и света

Рожденное слово.

(М. Лермонтов. «Есть речи – значенье..»).

Даже сейчас употребляется просторечная форма:

«*У меня нет время*» вместо «*нет времени*».

Также интересны формы *плечи, колени*, являющиеся по происхождению именительным падежом двойственного числа от *плечо, колено* (им. п., мн. ч. – *плеча, колена*). У Пушкина можно заметить эту форму в «Евгении Онегине»:

Нейдет она зиму встречать,

Морозной пылью подышать.

И первым снегом с кровли бани

Умыть лицо, плеча и грудь:

Татьяне страшен зимний путь.

А также в «Кавказском пленнике»:

С улыбкой жалости отрадной

Колена преклонив, она

К его устам кумыс прохладный

Подносит тихою рукою.

Достаточно широко были известны в XVIII – нач. XIX вв. в литературном языке формы от бесприставочных глаголов на *-ыва-, -ива-*, получившие значение давно-прошедшего времени. Именно так воспринимаются подобные формы у Пушкина:

Здесь барин сиживал один,

Здесь с ним обедывал зимою

Покойный Ленский.

(«Евгений Онегин»)

Вот еще одна устаревшая форма, которая уже не наблюдается в современном языке, – это форма бывших кратких причастий мужского рода, равная чистой основе, которую Пушкин использует еще в «Медном всаднике»: «*Домой пришед. Евгений стряхнул шинель...*»

Таким образом, все приведенные примеры характеризуют язык пушкинской эпохи, и для того, чтобы понимать произведения того времени, необходимо знать указанные особенности языка. Но для изучения языка отдельной эпохи нужно знать не только фонетические и морфологические, но и лексические особенности.

3. Лексика.

Как уже было сказано, монографии известных лингвистов побуждают нас к собственным небольшим наблюдениям. Так, изучив знаменитый четырехтомный «Словарь языка Пушкина» под редакцией В.В. Виноградова и работы Г.О. Винокура («Слово и стих в «Евгении Онегине», «Наследство XVIII века в стихотворном языке Пушкина», «Язык Бориса Годунова»), мы решили провести небольшое исследование по лексике. Нам хотелось узнать, действительно ли структура современного русского языка мало изменилась со времен Пушкина.

Мы выбрали из «Словаря языка Пушкина» 100 слов, наиболее употребительных, «частотных» в произведениях поэта, и с помощью современных толковых словарей (четырёхтомный «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.И. Ушакова, «Словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова) установили, что:

– вышли из употребления 10 слов: *анекдот* (в значении «небольшой занимательный рассказ»), *арав*, *барин*, *барышня*, *сей*, *сень* («покров»), *яицкий*, *ужели*, *забастовать* («перестать играть в азартные игры»), *дольный*;

– частично изменили свое значение 5 слов: *заблуждаться* (изменилось в одном значении «блуждать, сбившись с пути»), *свидание* («встреча, чаще условленная, двух или нескольких лиц»), *село* («крестьянское селение с церковью»), *слуга* (в значении «трактирный слуга»), *бал*;

– не претерпели изменений оставшиеся 85 слов: *ангел*, *английский*, *армия*, *беда*, *бедный*, *бежать*, *безмолвный*, *безумный*, *берег*, *вдохновение*, *благодарить*, *обед*, *обнять*, *образ*, *охота*, *очень*, *памятник*, *память*, *песня*, *печаль*, *письмо*,

плакать, повесть, подобный, подруга, пора, равный, сад, свет, свобода, святой, северный, сердце, сквозь, скучный, славный, след, следующий, слеза, смерть, трагедия, точка, увидеть, ужас и другие.

Отсюда мы делаем вывод, что лексический состав языка Пушкина не претерпел крупных изменений. Он продолжает «служить живым источником и непревзойденным образом художественного слова для современного читателя», – как отмечал В.В. Виноградов. Язык Пушкина является тем языком, которым стали пользоваться все последующие русские писатели и который лежит в основе современного нам русского языка.

Иногда в произведениях Пушкина встречаются незнакомые нам слова или знакомые, но с другим значением. Так, в литературном языке второй половины XIX в. уже трудно встретить такое слово, как *позор* в значении «зрелища», «вида», как, например, в «Деревне» Пушкина:

*Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.*

В таком значении употребляется это слово в «Руслане и Людмиле»:

*Но между тем какой позор
Являет Киев осажденный?
Там, устремив за нивы взор,
Народ, уныньем пораженный,
Стоит на башнях и стенах
И в страхе ждет небесной казни.*

В «Сказке о мертвой царевне» все описания даны в соответствии с народными обычаями, и тот, кто плохо с ними знаком, может неправильно понять текст:

*В ворота вошла она,
На подворье тишина. Пес бежит за ней, ласкаясь,
А царевна, подбираясь,
Поднялася на крыльцо И взялася за кольцо...*

Здесь слово *подбираясь* значит не «подкрадываясь», как кто-то может подумать в соответствии с современным значением, а «подбирая подол платья» – точная деталь поведения.

Следующий пример ясно показывает отличие современного значения слова от устаревшего. Так, например, в «Городке» Пушкина:

*У добренькой старушки
 Душистый пью чаек
 Но тотчас и вестей
 Мне пропасть наболтает,
 Газеты собирает
 Со всех она сторон.*

В XVIII – нач. XIX вв. *газеты* – это всевозможные известия, слухи, сплетни. А вообще слово *газета* (итал.) значит «мелкая монета».

Изучая литературный язык пушкинской эпохи, мы должны рассматривать его в контексте исторической обстановки, и наблюдаемые несовпадения с современным языком не вправе считать «поэтической вольностью» поэта, потому что они отражают особенности языка того времени.

III. Что в языке А.С. пушкина воспринимается сегодня.

Как просторечное или нелитературное.

В начале XIX в. в литературном языке находили себе место некоторые такие слова, которые нам теперь кажутся нелитературными, областными. Но не все нелитературное с нашей точки зрения было нелитературным с точки зрения языка пушкинского времени.

У русских писателей XVIII в. очень часто встречается написание *-ы* в окончании именительного и винительного падежа множественного числа слов среднего рода в положении без ударения вместо грамматически правильного *-а*, например: *гнезды, чувства, блюда, бремены, кольца, письма* и др. Так, Пушкин очень часто использует это написание как в стихах, так ; и в прозе. Вот несколько примеров из «Евгения Онегина»:

*За столом у них гостям
 Носили блюда по чинам.*
 (гл. 9, строф. 35)

*Мелькали селы; здесь и там
Стада бродили по лугам...*
(гл. 2, строф. 1)
*Закрыты ставни, окны мелом
Забелены...* (гл. 6, строф. 32)
*Кого не утомят угрозы,
Моления, клятвы, мнимый страх,
Записки на шести листах,
Обманы, сплетни, кольца, слезы,
Надзоры теток, матерей,
И дружба тяжкая мужей!*
(гл. 4, строф. 8)
*Иль длинной сказки взор живой,
Иль письма девой молодой.*
(гл. 8, строф. 36).

В «Дубровском» он также использует это написание: «*Окны во флигеле были загорожены деревянною решеткою*» (гл.1); «*Животисец представил ее облокоченную на перилы*» (гл.11); «*Несколько троек, наполненных разбойниками... приезжали в селы...*» (гл.7); «*Дубровский велел запереть ворота*» (гл. 14).

Такие формы встречаются на всем протяжении творчества Пушкина и являются в нем очень устойчивыми. В печати редакторы исправляли -ы на -а, и в некоторых изданиях сочинений Пушкина эти замены остались до сих пор.

Теперь вспомним известное стихотворение Пушкина «Пророк»:

*И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли...»*

В этом стихотворении поэт употребляет много церковнославянизмов. Мы хотели бы обратить внимание на слово «*виждь*». Это форма 2-го лица единственного числа повелительного наклонения от глагола *видѣти* – *виокъ* (ст.-слав. *виждь*). Сейчас в просторечии остатком этой формы является вводная частица *ишь* и *вишь*.

Вот еще некоторые примеры слов из произведений Пушкина, которые сейчас являются неправильными или, по крайней мере, недостаточно литературными. Так, слово «*soced*» во множественном числе писатель часто употреблял в

форме *соседы. соседов*. Например, в «Барышне-крестьянке»: *«И стал почитать себя умнейшим человеком во всем околодке, в чем и не прекословили ему соседы...»*. Часто встречаем у Пушкина родительный падеж от слова «день» в форме *дни*, например: *«Шабашкин... с того же дни стал хлопотать по замышленному делу»* («Дубровский», гл.1).

Еще одна интересная особенность языка – употребление косвенных падежей личного местоимения 3-го лица без начального *и* и после предлогов, например, в «Евгении Онегине»:

Меж ими все рождало споры...

И к размышлению влекло.

Вспомним «Капитанскую дочку»: *«Между ими находились и башкирцы, которых легко можно было распознать по их рысым шапкам и по калчанам»*. Как известно, подобное употребление в просторечии встречается. В числе других особенностей языка Пушкина, которые сейчас употребляются в просторечии, наблюдается широкое употребление форм родительного падежа единственного числа мужского рода на *-у*, например, в «Капитанской дочке»: *«Он был лет сорока, росту – среднего, худощав и широкоплеч»*.

Вспомним в «Евгении Онегине»:

Признаться: вкусу очень мало

У нас и в наших именах.

Читаем в стихотворении «Русалка»:

Однажды летом у порогу

Поникшей хижины своей...

Интересен такой случай: Пушкин в рукописи «Евгения Онегина» написал:

Но куча будет там народа

И всякого такого сброда...

Затем в обоих рифмующихся словах поэт поправил букву *-а* на *-у*. Еще один такой частный случай в склонении существительных в «Евгении Онегине»:

С семинаристом в желтой шале (гл. 3, строф. 28)

Хранил он в памяти своей (гл. 1, строф. 6)

И я при мысли о Светлане (гл. 5, строф. 10)

Во всех этих случаях в подлиннике на конце употребляется *ять*. Так, Пушкин пишет еще в «Дубровском»: «*Маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинеле вышел из телеги*» (гл.1); «*Молодой человек в военной шинеле и в белой фуражке вошел к зрителю*» (гл.11); «*Дубровский лежал на походной кровати*» (гл.ХІХ).

Эта форма написания свидетельствует о том, что в языковом сознании поэта склонение слов женского рода на -ь в предложном падеже подчинялось аналогии склонения на -а, -я, как это часто встречается в народных говорах.

С помощью этих примеров можно судить о степени зависимости Пушкина от живого языка своего времени. Используя в своих произведениях живую речь, поэт не уклонялся и от ее особенностей, например, склонения. Это еще раз подтверждает то, что Пушкин пытался соединить книжную и живую речь.

IV. А.С. Пушкин о свободе языка.

«*Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка*», - писал Пушкин в примечаниях к «Евгению Онегину», где заключил объяснение, что слова *хлоп*, *молвь* и *топ*, осуждавшиеся критиками как неудачное нововведение, являются «коренными русскими». Требование свободы языка не случайно прозвучало в связи с «Евгением Онегиным». По мнению А.И. Горшкова, пушкинский роман в стихах выразил всю широту и свободу в использовании не только языковых единиц, но и различных способов выражения (т.е. стилей), до той поры неслыханную и невиданную.

И снова в «Евгении Онегине» всем знакомые прекрасные строки:

*Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь.*

Пушкин, как мы уже знаем, был новатором: он опроверг многие считавшиеся обязательными правила использования языка в стихах и в прозе. Поэтому его современникам казалось странным то, что мы сейчас считаем естественным, обычным. Так, один из критиков писал: «В первый раз, я думаю, дровни в завидном соседстве с торжеством». Соединение слов *торжествуя*, *на дровнях* сильно смутило критика, так как эти слова принадлежат к разным стилям.

А. Горшков также пишет о том, что Пушкин смело разрушал представления о теории «трех стилей» (то есть определенные слова принадлежат к определенным темам, стилям и жанрам), соединял то, что казалось несоединимым, вводил слова, которых избегала допушкинская поэзия, помещая их в новое окружение. Отсюда и недовольство тех современников Пушкина, которые не сумели вовремя осознать всю глубину его преобразования.

Не избежали придирок критиков и такие строки из «Евгения Онегина»:

*На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке, распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.*

(гл.4, строф. 11)

Критика осудила слово *корова* и выговаривала Пушкину за то, что он «простую деревенскую девку» назвал *девою*, а в другом отрывке благородных барышень назвал *девчонками*:

*Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране.*

(гл. 5, строф. 28)

Такого рода претензии к Пушкину ярко отражают историю борьбы мнений, историю взглядов на развитие русского литературного языка.

V. Реакция А.С. Пушкина на грамматические замечания.

«Грамматика не предписывает законов языку, но изъясняет и утверждает его обычаи», – пишет Пушкин. Этот афоризм был характерен для пушкинского времени с его цензурой, придирчивостью к языку художественных произведений.

Вот очень интересная заметка поэта: «Многие пишут юпка, свадьба вместо юбка, свадьба. Никогда в производных словах *т* не переменяется на *д*, ни *п* на *б*, а мы говорим юбочница, свадебный». («Опровержение на критики...»). Эта заметка

примечательна тем, что разграничивает одни факты истории языка от других, употребляющихся в «живой» речи. С исторической точки зрения, конечно, более «правильными» были бы написания *юпка* через «п» (от франц. *Jupe*), *сватьба* (сват, сватать), и Пушкин это понимал. Но в производных словах возникли в основе звонкие согласные вместо первоначальных глухих (юбочница, свадебный), что шло вразрез с русской орфографией. И в этой заметке поэт указывает на то, что корневой согласный в основном и производном словах должен писаться одинаково.

Не менее интересен ответ Александра Сергеевича на другое замечание его критика, относящееся к стихам:

*Так одевает бури тень
Едва рождающийся день.*

Критик писал так: «Трудно понять, кто кого одевает: тень ли бури одевается днем или день одевается тенью?» Пушкин отвечал: *«Там, где сходство именительного падежа с винительным может произвести двусмыслие, должно по крайней мере писать все предложение в естественном его порядке»* (ответ на статью в журнале «Антей»). Этим замечанием Пушкин снова опровергает долго державшееся мнение, будто «порядок слов в русском языке лишен всякого грамматического значения».

В письме к издателю «Московского вестника» (1827) Пушкиным формулируется требование к писателю: *«Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические основы»*.

Этого правила придерживался и сам Пушкин. *«Вот уже 16 лет, как я печатаю, — пишет он в «Опровержении на критики...», — критики заметили в моих стихах 5 грамматических ошибок (и справедливо) ... Я всегда был им искренно благодарен и всегда поправлял замеченное место»*.

По указанию критики Пушкин исправил в «Руслане и Людмиле» стих в 1828 году:

*На теме полунощных гор,
Заменим его следующим:
На темени полнощных гор.*

Другие ошибки таковы. В «Кавказском пленнике» поэт сначала писал:

*Остановлял он долго взор
На отдаленные громады.*

В следующем издании он исправил первый стих:

*Вперял он любопытный взор
На отдаленные громады
Седых, румяных, синих гор.*

— оправдав этим винительный падеж во втором стихе, хотя и получился галлицизм *вперять на* вместо правильного *вперять в*.

Еще одна ошибка заключалась в том, что в одном из примечаний к «Полтаве» первоначально читалось: «Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но был отказан». Впоследствии Пушкин поправил: но ему отказали.

В стихотворении «Буря» был стих:

И ветер воил и летал.

В этом стихе поэт, следуя живой грамматической аналогии (выть — вою), поставил воил вместо выл. Впоследствии стих был исправлен так:

И ветер бился и летал.

Наконец, в «Борисе Годунове» в монологе Пимена:

Он говорил игумну и всей братьи

и

А грозный царь игумном богомольным.

— первоначально в рукописи были написаны так:

Он говорил игумену и братьи

и

А грозный царь игуменом смирашья.

По совету одного из друзей Пушкин исправил *игумену, игуменом на игумну, игумном*. Но этот совет был неудачен, потому что формы *игумену, игуменом* более правильны, чем варианты с беглой гласной. По этому поводу академик Корш сказал: «Эта заметка поучительна тем, что дает нам мерку для оценки языка Пушкина сообразно с тогдашними понятиями о правильности русской речи: критики за целых 16 лет указали в стихотворениях Пушкина только пять ошибок, в числе которых значится *игумену* вместо *игумну*..., а он верит этим судьям».

Таким образом, стараясь писать всегда правильно, заботясь о правильности своего языка, Пушкин порой склонен был следовать даже неправильным указаниям своих критиков. Но не будем забывать о том, что в пушкинское время правила грамматики не были четко определены. Сам Пушкин в ответе на статью в журнале «Антей» писал: *«Грамматика наша еще не пояснена»*.

«Если нам, – пишет А.Н. Горшков, – чтобы писать правильно, надо следовать существующим подробным правилам, то поэту надо было порой выбирать один из двух, а то и несколько вариантов написаний или грамматических форм». Надо заметить, что Пушкин всегда стремился осмыслить и теоретически обосновать правописание того или иного слова, употребление того или иного падежа. Так, например, в «Опровержении на критики...» Александр Сергеевич рассуждает о том, как надо писать – *цыганы* или *цыгане*, *турков* или *турок*, *сватьба* или *свадьба*.

Как мы видим, Пушкин был еще и замечательным филологом-лингвистом.

VI. Заключение.

В пушкинское время многие задумывались о том, каким же будет русский литературный язык. В своих спорах ни «шишковисты», ни «карамзинисты» не обратили должного внимания на того, кто является основным носителем русского языка, на народ. И лишь немногие, в том числе Пушкин, понимали всю необходимость «глубокого освоения и творческого развития богатств общенародной речи». Вот что писал об этом сам Пушкин: *«Простонародное наречие необходимо должно было отдделиться от книжного, но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей»*. Как очевидно из данного отрывка, Александр Сергеевич не стремился просто изъясняться по-русски, употребляя народные выражения.

Во-первых, он хотел видеть действительность глазами народа и правдиво изображать ее языком, близким и понятным народу; во-вторых, Пушкин выбирал слова не по их происхождению, не по стилевой и социальной принадлежности, а по их соответствию изображаемой действительности, будь то славянизм, галлицизм или просторечие, лишь бы подходило для выражения нужного смысла и для достижения нужного эмоционального воздействия.

В этом и состоит суть пушкинского синтеза книжной и разговорной речи. Добившись точности изображения и простоты синтаксиса, Пушкин создал

литературный стиль, свободный от излишней красоты, но заключающий в себе «бездну пространства», невероятную глубину содержания.

Преобразование языковой структуры литературного текста в творчестве Пушкина привело и к преобразованию стилевой системы русского литературного языка. Окончательно ушли в прошлое пережитки системы «трех стилей», на первый план выдвинулись функциональные стили, а также индивидуально-авторские стили.

Таким образом, язык Пушкина послужил источником последующего развития не только языка художественной литературы, но и всего русского литературного языка во всех его разновидностях.

Практическое применение данной работы заключается в том, что на уроках русского языка при рассмотрении тем «Лексика», «Лексическое значение слова», «Словообразование», «Исторические чередования в русском языке», на уроках литературы при изучении творчества А.С. Пушкина в качестве иллюстративного материала могут быть использованы стилистические и синтаксические особенности произведений А.С. Пушкина.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка / В.В. Виноградов. – М.; Л., 1935.
2. Винокур Г.О. Статьи о языке и творчестве Пушкина: словарь языка Пушкина / Г.О. Винокур. – М.: Академия наук, 1970.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Академия наук, 1960.
4. Пушкин А.С. Евгений Онегин / А.С. Пушкин. – М.: Дрофа: Вече, 2002.
5. Пушкин А.С. Повести / А.С. Пушкин. – М.: Дрофа: Вече, 2002.
6. Пушкин А.С. Драматические произведения и стихотворения / А.С. Пушкин. – М.: Дрофа: Вече, 2002.
7. Ушаков Д.И. Толковый словарь русского языка / Д.И. Ушаков. – Т. 1–4. – М., 1960.